

### **Организация пространства в сибирских городах и близлежащей им округе как знак развития коммуникативной среды. XVII — начало XVIII в.**

#### **Аннотация**

Русское государство и Монголия в XVII — начала XVIII в. старались избежать прямых военных столкновений, прибегая к политическим методам, переговорам на уровне представителей высших властей и личным встречам сибирских воевод монгольских князей. Русское царское правительство преследовало цели оборонительной политики и возможности расширения пределов государства. Фиксации пространства придавалось особое внимание, поскольку территория государства была сакральна и нуждалась в постоянной заботе и контроле со стороны царского правительства. Организация колоссальной сибирской территории началась с возведения форпостов, острогов и городов. В каждом вновь образованном населенном пункте были свои пространственно-временные обстоятельства. На воевод возлагались множество задач как политического направления, связанных с регулированием отношений с соседними государствами и государственными объединениями, так и установления договорных отношений с аборигенами края. Каждая такая встреча заранее готовилась и разведывалась. Пространству, задействованному в организации переговорного процесса, придавалось существенное значение. При этом, понятия времени и пространства переплетались теснейшим образом и определить размеры пространства без учета затраченного на его преодоление времени зачастую для людей XVII в. было невозможно.

**Ключевые слова:** Сибирь, пространство, время, служилые люди, съезжая изба, территории, Монголия, послы, дипломатия, переговоры, воеводское управление, городские постройки

А.А. Lyutsidarskaya  
Institute of Archeology and Ethnography of the SB of the RAS  
(Novosibirsk)  
Akademika Lavrentieva Avenue, 17, Novosibirsk, Russia, 630090  
lucid1@yandex.ru  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3131-5350>

### **The Siberian towns and their neighborhood areas as sign of the communication habitat. 17<sup>th</sup> and the beginning of the 18<sup>th</sup> centuries**

#### **Abstract**

Russia and Mongolia tried to avoid direct military clashes in the 17<sup>th</sup> — early 18<sup>th</sup> centuries. They prefer political methods and negotiations, symbolical expressed in personal meetings of the Siberian and Mongol governors. The Russian tsarist government pursued the goals of a defensive policy and the expanding the state boundaries. The mapping of space was given special attention, since the territory of the state was sacred and needed constant care and control from the tsarist government. The organization of the huge Siberian territory began with the construction of outposts, forts and towns. Each newly formed settlement had its own spatio-temporal circumstances. The voivode was entrusted with many tasks of both the political direction, related to the regulation of relations with neighboring states and state associations, and the establishment of contractual relations with the aborigines of the region. Each such meeting was prepared and scouted in advance. Significant importance was attached to the space involved in organizing the negotiation process. At the same time, the concepts of time and space were closely intertwined and determine the space and its symbols.

**Keywords:** administrative buildings, ambassadors, diplomacy, habitat, Mongolia, negotiations, provincial administration, service people, Siberia, sign, space, symbol, territories, time

**Введение.** Время и пространство являются основополагающими формами человеческого опыта. В этой картине мира мировидение перестраивается, подразумевая, не только элемент — пространство, но все входящие в него основные компоненты, в частно-

сти тесно связанные с представлением о пространстве, представления о времени [Гуревич, 1984, с. 43, 348].

Восприятие пространства и времени в разных обществах были далеко не однозначными. Современное восприятие пространственно-временного континуума, казалось бы, не приемлемым, например, русским людям XVII столетия, точно также как нам не всегда удается хронологически правильно выстроить ход событий и правильно сориентироваться в пространстве, опираясь на архивные документы ушедших веков.

Пространственно-временные понятия всегда находятся в контексте того культурного поля, в котором живет человек. Колонизация сибирской территории ставила задачи не только расширения границ государства, но и работу по организации нового пространства, проявляющуюся в утверждении святынь и мест, обладающих повышенным социальным статусом. Без должного благоустройства пространства Сибири не реален был доступ к ее богатейшим ресурсам. Организация колоссальной сибирской территории началась с возведения форпостов, острогов и городов. В каждом вновь образованном населенном пункте были свои пространственно-временные обстоятельства.

В сибирских городах XVII — начала XVIII в. на воевод, проводников государственной политики Центральной власти государства, возлагались множество задач как политического направления, связанных с регулированием отношений с соседними государствами и государственными объединениями, так и установления договорных отношений с аборигенами края. Все эти вопросы решались и рассматривались в крупных городах регионального значения в пространстве, предназначенном для решения такого рода задач.

Центральные и сибирские власти пытались контролировать или, во всяком случае, иметь детальное представление о пространствах, связывающих сибирские населенные пункты с пограничными им землями. В значительной степени это касается восточных территорий, какой являлась территория Монгольского государства. Обе стороны этого процесса: русское государство и Монголия старались избежать прямых военных столкновений, прибегая к политическим методам, переговорам на уровне представителей высших властей и личным встречам сибирских воевод монгольских князей.

Каждая такая встреча заранее готовилась и разведывалась. Пространству, задействованному в организации переговорного процесса, придавалось существенное значение. При этом, понятия времени и пространства переплетались теснейшим образом и

определить размеры пространства без учета затраченного на его преодоление времени зачастую для людей XVII в. было просто невозможно. Об этом наглядно свидетельствуют, многочисленные архивные материалы, в частности приведенный ниже статейный список, датируемый концом XVII в.

Полученные результаты и их обсуждение. Архивы XVII — начала XVIII столетий хранят документы подобных политических мероприятий. В 1681 г. в статейном списке, посланного из Селенгинска сына боярского В. Турского в Монгольское государство достаточно подробно описано пространство, которое ему пришлось преодолевать по пути по пути в пределы монгольского ханства [Сборник., 1960, с. 247–250].

Василий Турсков вышел из Селингиска 2 июля и того ж числа он достиг в урочища речки Тагалцаре. На следующий день о был на речке Бырке и остановился, пересекши речку на лугу по краю реки Чикоя. Интересно, что некоторые водные артерии источник именуется речками, а другие реками это различие кроется в размерах водных преград. Затем отряд Турского вышел к речке Посольская, которая впадала в реку Чикой. Описывая пространство, Турской не забывал отмечать монгольские кочевья, встреченные им по дороге.

Переехав реку Чикой, Турской вышел к речке Букулей. Там была вынужденная остановка из-за сильного дождя, которая продлилась 3 дня. Через эту речку искали брод, но так и не нашли, но через преграду все же переправились. На 8-ой день своего путешествия отряд Турскова пересек реку Ирой и продолжил путь мимо улуса тайши Ирдени Бин.

Источник отмечает, что кочует тайша с принадлежащими ему улусными людьми, расположенными «по край реки Ира, против камени Бурухчи». Все виденное в дороге, отряд Турскова тщательно описывал, не упуская мелочей. Он отмечает, что в монгольском тайша Ирдени Бин располагает 500 улусными людьми. Такое пристальное внимание к пространству и расположенным на нем объектам, объяснялось вероятностью возможных военных действий на этих территориях.

На 9-ый день пути отряд русских казаков перемещался вдоль речки Кейтун и миновав ее вышел к речке Мухора, отмечая встреченные кочевья и количество улусного населения. Десятый день пути был отмечен выходом к реке Шару. Затем, преодолев р. Битег Турсков заметил наличие пашенных монголов, ведущих, судя по всему, оседлый образ жизни. Турсковым были выявлены выявлены 2 небольшие дощаные городка. «А от тех городков едучи из Селенгинского на левой руке» стоял сын тайши со своими улусными людьми, казаки насчитали 30 юрт [РГАДА. Ф. 214. Оп.

5. Ед. хр. 571. Л. Л. 249].

В дороге Турсков расспрашивал встречных монголов о превратности пути и договаривался о возможной остановке и отдыхе. Дальнейший путь пролегал мимо озера Кунцалак к реке Бургатай. Русский отряд продолжал свой путь так же скрупулезно описывая местность и отмечая встречные монгольские кочевья. На лугу, «по краю реки Толы» Турсков отметил 2 деревянных сарая и описал конструкцию этих сооружений. «А против тех сараев за Толою рекою гора высокая, называют ее Кан Ола». Русские путешественники узнали, что на горе рос заповедный лес, в котором обитали «пущены» звери, возможно пушные, ловить же этих зверей запрещалось монгольскими властями.

Спустя 2 недели Турсков послал к местным монгольским правителям толмача Ивана Бодоря в сопровождении двух служилых людей, чтобы поставить монголов в известность о своем приезде в качестве посланника от русских воеводских властей. В дальнейшем последовали политические переговоры. В Селенгинск Турской вернулся 18 июля, пробыв в поездке три почти недели. Расстояние, которое прошел отряд казаков, возглавляемых В. Турсковым, можно определить только исходя из затраченного времени. Такое сопряжение времени и расстояния было обычным для той поры.

Таким образом, если исходить из рассуждений о том, что в среднем отряд казаков преодолевал в день 30 километров, учитывая стоянки и неблагоприятные непредвиденные обстоятельства, то за 14 дней пути преодоленное пространство могло составлять более 400 км, и весь этот путь был проанализирован и описан. Надо иметь в виду, что казачьему отряду пришлось иметь дело с хаотичным, неосвященным и неорганизованным пространством с точки зрения православного представителя царской власти русского государства.

Прибыв на место встречи с монгольскими властями, Турскова с его сопровождением приняли Очирой Саид ган и Кутухта для расспросов об их цели и намерениях. Ведя переговоры, Турсков и его люди продолжали отслеживать и описывать пространство, в котором находились, учитывая близлежащие реки и озера. Таким образом, поездка, преследуемая политические цели, стала разведывательной для подробного описания пространства на всем пути следования. Такая фиксация местности в дальнейшем могла пригодиться в случае возможных военных конфликтов русских казаков с монгольскими правителями.

Монгольские населенные пункты, улусы, имели значительные отличия от сибирских

городов и острогов, главным, определяющим отличием являлся кочевой образ жизни соседствующего с русскими монгольского этноса. Казачий отряд Турскова в поездке знакомился с монгольским миропорядком и образом жизни своих южных соседей. Толмач в казачьем окружении Турскова играл важнейшую необходимую роль на всем пути следования и активно участвовал в переговорах. Описав местность и пространство, расположенное около урочищ монгольских правителей, казаки двинулись в обратную дорогу к Селенгинску. Исходя из текста статейного списка, обратная дорога к Селенгинску заняла гораздо меньше времени. В дальнейшем началась подготовка к встрече «на высшем уровне» в Иркутске представителя царской власти Русского государства с посланцем монгольского правителя.

Пространство вблизи значимых городов приобретало определенный статус принадлежности к системе устройства миропорядка Российского государства. В городской округе обычно обустроивались деревни и села со значительным, по меркам того времени, населением. В случаях необходимости это «сельское» население призывалось в город для создания большей убедительности численности горожан. Такая практика нередко применялась в столичном сибирском городе Тобольске для демонстрации и подкрепления воеводской власти.

В результате длительной и трудоемкой подготовительной работы в Иркутске на посольском дворе состоялась встреча письменного головы Леонтия Кислянского с посланцем монгольского хана Серенчином Зорикту.

Это дипломатическое мероприятие зафиксировано в Государственном архиве древних актов и опубликовано в Сборнике документов по истории Бурятии [Сборник..., 1960, с. 249]. Как правило, к подобным приемам тщательно готовились, чтобы в полной мере показать значимость русского государства, силу сибирских воеводских властей и проявить необходимое уважение к прибывшей делегации.

Из текста описания организации пространства для встречи посланца монгольского царя Очирой Саин хана Серенчин Зорикту в Иркутском остроге в 1684 г. была проведена значительная работа. Как видно из текста архивного документа, к этой встрече долго готовились, не упуская отклонений от положенного в таких случаях дипломатического этикета. Посланца и его свиту встречали уже на подъезде к городу специально выделенные казаки и переводчик. Путь делегации пролегал как по суше, так и по реке Ангаре. Ехали монгольские посланники с Мельничного лугу сначала до двора служилого человека иркутского казака и до Ангары, затем их встретили селен-

гинские служилые люди и толмач.

Путешествовали монголы, как было принято, на своих лошадях. Через Ангару посланец переправлялся в лодке, а далее было предписано «плыть под берегом» до Верхнего Иркутского острогу, затем, выйдя из лодки гости направлялись пешком к посольскому двору, назначенному же приставу Д. Уразову следовало идти с ними по правую сторону в ряд, «куда посланец пойдет» и стоять по «по обе стороны».

К посольскому двору посла сопровождали казаки, которые шли с гостями, выстраиваясь в ряд с правой стороны. Далее по ходу продвижения посланников служилые, промышленные и гулящие люди должны были стоять, в нарядном цветном платье со знаменами и барабанами. У самого посольского двора располагались праздничные одетые служилые, торговые и посадские люди с оружием. Дворяне и начальствующий состав казаков, а также заслуженные казаки, подьячие и толмачи располагались в пределах самой посольской избы.

Таким образом, перед торжественной встречей послов пространство строго ранжировалось и степень повышения статуса задействованного пространства знаковым подтверждением тому служило вовлечение в мероприятие статусного казачества и воеводской администрации. В подготовке к встрече принимали участие также торговые люди, даже в том числе приезжие, находящиеся на этот момент в городе.

В связи с подготовкой к дипломатическому приему, посольская изба также претерпела изменения качества пространства, что свидетельствовало о неоднократных и уже «наработанных» изменениях. Потолок и стены посольской избы были обиты красными и зелеными сукнами, на столы были покрыты коврами, на лавки положены паласы. Из торговых рядов для этого случая были взяты красные и зелеными сукна для того чтобы покрыть площадь крыльца и пространство перед съезжей избой. По окончании переговоров послов снабдив, подарками и пищей на дорогу торжественно тем же проверенным путем проводили [Сборник..., 1960, с. 281–282].

Из приведенного текста документа следует, что в значимые моменты, связанные с неординарными событиями большое внимание воеводских властей уделялось организации и качеству пространства, задействованному в проводимых мероприятиях. Для этого требовались определенные затраты материальных и людских ресурсов жителей города и расположенных рядом территорий.

В приведенном документе описана встреча послов сопредельного государства, однако крупные сибирские города были и местом встреч аборигенных князев, про-

живающих на территории Сибири, с воеводскими администрациями. Естественно, они проходили в более спокойной обстановке, однако принимались необходимые меры для демонстрации центральной государственной царской власти и воеводского управления Сибири.

Территория, вокруг главного административного центра сибирских городов, съезжей или приказной избы, обладала повышенным статусом. Именно здесь собирался народ в экстренных и неординарных событиях городской жизни. Это касалось всех сторон бытия горожан. Так, в столице Сибири, в Тобольске в 1639 г. назрела конфликтная ситуация между воеводой Темкиным-Ростовским и иноземным по происхождению сыном боярским Савой Французениным. Центром событий стало пространство, прилегающее к съезжей избе, которое заполнили, призванные воеводой русские жители, а также татары и бухарцы, проживающие в близлежащей округе.

Таким образом, вся территория от церкви до воеводского административного центра была заполнена людьми. Стоя на крыльце съезжей избы, воевода объяснял народу сложившуюся ситуацию, которая в дальнейшем при вмешательстве митрополита Нектария была так или иначе разрешена во время церковной службы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 571. Л. 411–421].

В православной Сибири административная и духовная власти были тесно связаны не только в плане духовного единения, но и пространственно. В съезжей избе непременно висела икона или был иконостас и игнорирование святынь при входе в пространство административного помещения считалось грубым нарушением установленного миропорядка и определенным образом наказывалось.

В XVII в., особенно в первой половине этого периода, на территории Сибири, населенной многочисленными этносами, не прекращались военные конфликты между отдельными коренными народами. Длительное время существовало сопротивление приходу русских в пределы Сибири со стороны коренного населения, чтобы противостоять этому, правительство, посредством воеводских властей заключало мирные договоры с автохтонным населением края.

Однако прочность этих договоренностей была неустойчивой, и чтобы исключить их нарушения, в Сибири практиковалась такая мера как взятие заложников, аманатов. Причем, заложников-аманатов предпочитали брать из родовитых семей. Специально для содержания аманатов выделялись помещения, так называемые аманатские избы, которые существовали повсеместно почти во всех сибирских городах начиная с XIV в.

Нельзя сказать, что отношение к аманатам везде и всегда были одинаковые, оно зависело от множества факторов, соответственно и содержание их разнилось, кроме того, зависело от статуса заложников. Большинство помещений аманатских изб мало отличались от тюремных помещений. В отдаленных острогах аманаты содержались в тесных избах, тогда как в крупных городах заложникам отводилось больше внимания. Наличие аманатного двора позволяло добиваться каких-то минимальных норм содержания аманатов в остроге. Многие аманаты пытались жаловаться на условия и склонить администрацию к постройке более просторного аманатского двора [Березиков, 2015, с. 44–46].

Из архивных документов известно, что в 1640 г. енисейские аманаты убежали в Красноярск, надеясь на лучшие условия жизни [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. С. 133]. Действительно, в 1620 г. в Красноярске была куплена за 6 руб. изба «для закладников, где аманатов держать». Поскольку Красноярск граничил с «немирными земляцами», в этом городе содержанию заложников уделялось значительное внимание. В 1636 г. усилиями воеводской администрации был сооружен «аманатский двор», который включал в себя крытую драницей избу, постройка которой обошлась казне в немалую сумму — 20 руб., — а также особое караульное помещение, стоимостью в 4 рубля. Площадь тюрьмы и аманатского двора бала огорожена общим забором, тыном.

Скорее всего, на аманатском дворе размещались и иные вспомогательные постройки хозяйственного назначения. Постройки, связанные с содержанием заложников, могли иметь и другие варианты, но чем больше и значительнее был город, тем более выгодные условия существования там создавались для временного пребывания аманатов. В редких случаях особых заложников их числа «немирных» аборигенов размещали в казачьем дворе под специально выделенной охраной [Бахрушин, 1955, с. 48–49]. Практика аманатства существовала вплоть до окончательного включения сибирских этносов в систему русской государственной, тогда же прекратилось существование выделенных территорий и построек для этих целей.

К казенным постройкам, требующим усиленного внимания местной администрации, относились все помещения связанные с хранением оружия и пороха. Для этих целей существовали специальные помещения и так называемые «пороховые погреба». Все это находилось в непосредственной близости от административного центра города.

В Томске в 1707 г. было построено первое каменное здание, «4 палаты кладовые мерою в длину 18 сажень», высота это-

го сооружения достигала 5 аршин, а ширина стен равнялась 1,5 аршин. Своды у этого сооружения были кирпичные, а покрыты они были тесом [Люцидарская, 1992, с. 43]. Скорее всего, именно это первое каменное помещение Томска предназначалось для хранения наиболее ценных с точки зрения воеводской администрации запасов, в перечень которых, несомненно, должны были входить оружие и порох.

Выводы. Пространство городской среды играло самую значимую роль в жизни горожан. Самым высоким статусом обладали территории вблизи духовных и административных центров — церквей и воеводской власти. Но, если церквей в крупных городах могло быть несколько, и они продолжали строиться, то административный центр был неизменно один — воеводская или съезжая изба. Нередко постройки воеводского двора были соединены между собой, так что из одного помещения в другое можно было попасть, не выходя на улицу, что являлось весьма существенным для местного климата.

Воеводы и их ближнее окружение обязательно должны были посещать богослужения. В зимнее снежное время перед воеводой шли специально выделенные люди для расчистки пути от снега, улучшая качество пространства. Вероятно, так же поступали и дворовые люди знатных горожан, расчищая дорогу для своих хозяев. Особенно затруднительным для передвижения горожан становилось время весенней и осенней распутицы. Источники упускают моменты, связанные с этими сезонными трудностями, однако нет сомнений, что горожане сибирских населенных мест, справлялись с этими задачами, поскольку храмы и правительственные места не пустовали в любую погоду.

Межсезонье естественным образом накладывало свой отпечаток на преодоление сибирских путей сообщения. Таяние снегов, разливы рек и речушек в условиях отсутствия приемлемых дорог увеличивали расстояния между отправными точками пути и неизбежно изменяли привычное пространство, эти новые изменения затем могло войти в обиход.

Изучая документы XVII в. наглядно видно, какое внимание уделялось описанию пространств как организованных, обжитых, одухотворенных православной верой, так и необжитых, хаотичных, «диких» территорий. При этом русское царское правительство преследовало цели оборонительной политики и возможности расширения пределов государства. Фиксации пространства придавалось особое внимание, поскольку территория государства была сакральна и нуждалась в постоянной заботе и контроле со стороны царского правительства.

### Список литературы

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 480 с.
2. Березиков Н.А. Надзор и принуждение: аманатские избы в Сибири XVII в. // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2015. Т. 10. Ч. 1. С. 44–46.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1984. 406 с.
4. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII–начала XVIII в. Новосибирск: Наука. 1992. 240 с.
5. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1. Улан-Удэ: Наука, 1960. 350 с.

### References

1. Bahrushin S.V. Nauchnye trudy [Scientific collection]. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 480 p. (in Russ.)
2. Berezikov N.A. Nadzor i prinuzhdenie: amanatskie izby v Sibiri XVII v. [Discipline and punish: amanats buildings in Siberia in 17-th century]. Balandinskie chtenija: sbornik statej

- nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk, Novosibirskaja gosudarstvennaja arhitekturno-hudozhestvennaja akademija, 2015. Vol. 10. Part 1. Pp. 44–46. (in Russ.)
3. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval culture]. Moscow, Nauka, 1984. 406 p. (in Russ.)
  4. Ljucidarskaja A.A. Starozhily Sibiri. Istoriko-jetnograficheskie ocherki XVII–nachala XVIII v. [Siberian starozhil: historical and ethnography essays], Novosibirsk, Nauka. 1992. 240 p. (in Russ.)
  5. Sbornik dokumentov po istorii Burjatii. XVII vek [Collection of Byurat history documents. 17-th century]. Is 1. Ulan-Udje: Nauka, 1960. 350 p. (in Russ.)

### Список источников

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 571.

### Список сокращений

- Ед. хр. — единица хранения  
Оп. — Описание  
РГАДА — Российский государственный архив древних актов  
Стлб. — столбец  
Ф. — Фонд

Материал передан в редакцию 06.06.2021